

Пахомова Ксения 15 лет 10 класс

МБОУ «Лицей №6 им. М.А. Булатова» г. Курска

Преданность традициям классики мировой литературы

Фандом: Рэй Бредбери 451 градус по Фаренгейту

Пламя забытого чувства

Совсем старые особи еще помнили, как на этом месте была речка. Можно было войти в воду и охладиться в жару. После резвых заплывов на скорость как же приятно было лежать на песке и слушать под шелест камышей заунывные песни лягушек. Если сильно покопаться в остатках памяти, то можно было даже припомнить далекое тайное чувство, которое поднималось в душе в долгие тихие закаты на берегу речки. Но сейчас уж никто не смог бы и сказать, как оно называлось... Всем известное слово «принятие» по отношению друг к другу поглотило, слопало, вобрало в себя все остальные чувства особей. Застроенный стоэтажками город с полностью прозрачными окнами, стенами и крышами был, казалось, счастливым пристанищем для серой массы людей. И только стоящий на окраине непрозрачный дом ярким пятном выделялся среди этого ровного и спокойного мира.

В это утро Монтэг, ровно как и в другие дни, направлялся именно в это строение, предвкушая с удовольствием свою работу на благо города. Какое же наслаждение смотреть на огонь, пожирающий всю до остатка Глупость! В такие минуты раззадоренный багрово-желто-черными цветами Монтэг превращался в дирижера, исполняющего музыку, переписывающую страницы истории города. Он был готов работать без выходных и праздников, лишь бы Глупость не проникала в город, не будоражила сознание его жителей и не стремилась разрушить счастливое существование его обитателей.

После работы Монтэг устало брел домой. На повороте в свой квартал он увидел идущую ему навстречу девушку. Она ступала настолько легко и плавно, что, казалось, скользила на несколько сантиметров выше бетонных плит. Матовой белизны лицо ее светилось неутолимой любопытством. Приостановившись, Монтэг нехотя обратил внимание на приближающуюся. Стройная и грациозная, в белом платье, она казалась удивительной. Девушка же, как замороженная смотрела на изображение перечеркнутой книги на рукаве его плаща и на диск с огнем, приколотый к груди. Она впервые видела пожарника, который спасал ее город от Глупости. Кларисса много слышала про этого соседа, да и кто не слышал про пожарников, спасающих всех от Глупости. Проходя мимо, они невольно посмотрели в глаза друг другу. Оба, пораженные и озадаченные, устремились по своим делам. В глазах Монтэга, казалось, просто поселился огонь, который каждый день отражался в зрачках во время его работы. Но почему-то для Клариссы этот огонь представился не резким и устрашающим, а каким-то

странно успокаивающим. Ее же глаза показались Монтэгу волшебными кусочками драгоценного камня, навеки заточившего его образ. Со странным чувством недосказанности, впервые не совсем удовлетворенный от сделанной работы Монгэг, слегка поздоровавшись с соседней особью, ушел в свою квартиру для отдыха. Кларисса же, все больше и больше удаляясь от незнакомца, старалась припомнить, откуда ей известно, что в те далекие времена, когда все были людьми и Глупость была не запрещена, а приветствовалась и жила в особых домах под названием библиотеки, пожарники не разжигали огонь каждый день, а наоборот тушили его. Но тщетно девушка пыталась вспомнить подробности, неизвестность погрузила ее размышления в хаос.

С наступлением утра Монтэг устремился в непрозрачный дом на окраине города. Дорога на работу как всегда вызывала у него счастливую улыбку. Еще бы! Стать пожарником в свои двадцать пять, трудиться на благо города, сжигая каждый день Глупость, и знать, что ты приносишь колоссальную пользу для обитателей города. Одна эта мысль вызывала улыбку на лице Монтэга. Он был энтузиастом своего дела, их общего дела - строительства вечного рая. Не то что заблудившиеся особи, у которых вчера инквизиция отобрала Глупость. Каждый день у Монтэга была работа, а это означало, что каждый день была работа у инквизиции, не спасали даже прозрачные стены и крыши. «Глупые! - думал Монтэг, сжигая очередную стопку книг, - уже скоро мы будем жить в вечном раю». И ни разу за годы работы ему не хотелось заглянуть в книгу. Запретная Глупость даже на минуту не привлекала его внимание. Он всегда четко помнил заповедь всех пожарников: «Никогда не забывай температуру, при которой воспламеняется и горит бумага – 451 градус по Фаренгейту!». Сжигая очередную порцию книг, Монтэг думал о Клариссе. В каждой искорке пламени он видел отблеск ее глаз. Печальный и впервые не удовлетворенный прожитым днем пожарник брел домой. Была такая ранняя зима, пахнувшая осенью, что, казалось, дождевые тучи лежали прямо на земле. И вот одна из них, не выдержав тяжести, лопнула. Струйки дождя, как клинки ножа, врезались в остатки осени, разрезая их на куски, вечно стремящиеся соединиться в ковер жизни в технике пэчворк. Мокрый Монтэг рухнул на кровать...

В это время Кларисса, нарушая все законы особей, кралась к дальнему забору города. Она вспомнила, откуда ей известно, что пожарники не всегда были сжигателями книг. Встретив этого человека, девушка начала вспоминать и понимать загадочные слова бабушки, всегда отличавшейся от остальных пожилых особей города. Некоторые соседи сторонились ее, а однажды Кларисса даже услышала, что в далеком прошлом ее бабушка была библиотекарем. Что означает это слово, она не поняла, но почему-то тогда, будучи еще совсем ребенком, она связала все эти разговоры с Глупостью. Умирая, бабушка шептала ей на ухо о том, что не все так просто, что вечного рая не построишь, что миллион книг, прочитанный бабушкой, лечил душу, что так необходимо сейчас городу. И чтобы быть счастливою, надо не принимать, а любить других. И совсем уже угасающий

шепот донес до ребенка, что тайная Глупость, оставленная старухой для Клариссы, находится у забора на востоке. И вот сейчас, мокрая и дрожащая, стараясь стать незаметной тенью, девушка пробиралась к дальнему ограждению города, где начиналась запретная зона.

Очнувшись посреди ночи, Монтэг вздрогнул, вспоминая свой сон. Девушка в белом платье с глазами из драгоценных камней бежала к запретной зоне. Сон так явственно и четко врезался в голову Монтэга, что решение отправиться к забору пришло, казалось, само.

Кларисса каким-то чудом, спрятавшись от всех постов и наблюдателей, достигла забора. По всему периметру город был оцеплен высоким бетонным ограждением, и что находится за этим окружением не помнили даже самые старые из особей. Куда дальше идти, девушка не знала и поэтому пошла вдоль забора на восток. Ночь тонкой струйкой начала перетекать в раннее утро. Вдруг вдалеке замаячил силуэт. Испугавшись, что ее заметил охранник, Кларисса птицей метнулась к забору. Секунду спустя туда же бросился и мужчина, накрыв своим плащом выделяющуюся в ночи белым пятном Клариссу. Вдали показался настоящий надзиратель. Пройдя мимо затаившейся парочки, охранник растворился в ночи. Посмотрев друг на друга, Кларисса и Монтэг, взявшись за руки, начали обследовать бетонный забор. Пройдя несколько метров, они увидели место, где вероятно из запретной зоны просачивалась под забор вода, со временем размыв приличную яму. Сначала Монтэг, потом и Кларисса без тени сомнения, ведомые каким-то внутренним голосом, а может быть, голосом свыше, проникли за забор в запретную зону.

Когда сердце снова начало стучать, Кларисса посмотрела на Монтэга. Он смотрел на нее. В его глазах бушевало пламя. Пушистая льдинка упала ей на щеку. Наверху кто-то крошил на землю белое облако, и оно устремлялось вниз маленькими белыми снежинками. Они медленно кружились в воздухе и опускались в танце на землю. Постепенно земля накрывалась белым одеялом. Белыми становились деревья, белыми становились кусты и овраги. Да что там, весь мир становился таким чистым и прозрачным, что казалось, скоро исчезнет. Но исчезли сомнения, быть как все, жить как все, не знать Глупости, гибнуть без живительной информации из книг.

Всепоглощающее чувство накрыло двоих стоящих в белом облаке. И если бы старые особи из города смогли бы вспомнить, то они рассказали бы всем, что далекое тайное чувство зовется любовью.